

КИШИНЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ два раза въ мѣсяць 1-го и 15-го чиселъ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою на домъ 6 рублей.

№ 21.

Подписна принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при духовной семинаріи въ Кишиневѣ и у мѣстныхъ благочинныхъ.

1882 годъ.

1—15 ноября.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Государь Императоръ, въ 16-й день сего октября, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи викарію рязанской епархіи, епископу михайловскому Августину, епископомъ аккерманскимъ, викаріемъ кишиневской епархіи.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Отъ 10-го сентября — 6 октября 1882 года за № 97, о кииѣ священника І. Петропавловскаго «Общедоступныя статьи въ защиту христіанской вѣры противъ неврїа», съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 29 августа 1882 года за № 407, съ журналомъ Учебнаго Комитета, № 344, по прошенію священника г. Москвы

Іоанна Петропавловскаго объ одобреніи для пріобрѣтенія въ бібліотеки духовныхъ семинарій составленной имъ книги, подъ названіемъ: «Общедоступныя статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невірія» (Москва 1881 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ названную книгу священника Петропавловскаго одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій, сообщить, циркулярно, чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ приложеніемъ копіи съ журнала Комитета.

Отъ 10-го сентября—6-го октября 1882 года за № 970, о книгѣ К. Траяновскаго «Первая помощь въ отсутствіи врача или въ ожиданіи его въ опасныхъ случаяхъ обыденной жизни и на полѣ битвы», съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 4-го сентября 1882 года за № 413, съ журналомъ Учебнаго Комитета, № 353, по прошенію островскаго уѣзднаго врача, доктора медицины К. Траяновскаго, объ одобреніи для пріобрѣтенія въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній составленной имъ книги подъ названіемъ: «Первая помощь въ отсутствіи врача или въ ожиданіи его въ опасныхъ случаяхъ обыденной жизни и на полѣ битвы» (Дерптъ. 1881 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ названную книгу Траяновскаго рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій и епархіальныхъ женскихъ училищъ. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о книгѣ Траяновскаго правленіямъ духовныхъ семинарій и совѣтамъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, сообщить, циркулярно, чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ приложеніемъ копіи съ журнала Комитета.

КИШИНЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1882 годъ.

№ 21.

1—15 ноября.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПОУЧЕНІЕ

О ВѢРѢ ВО ЕДИНАГО Господа ИСУСА ХРИСТА — СЫНА
Божія *).

«Вѣрую во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосуцна Отцу, Имже вся быша».

Каждый добрый христіанинъ и утромъ, и вечеромъ, а богомольный и чаще предъ лицомъ Бога читаетъ это исповѣданіе святой своей правой вѣры въ Господа

*) Сказано на ранней литургіи въ кафедральномъ соборѣ, 7 ноября 1882 года, въ недѣлю 25-ю по Пятидесятницѣ.

«Святый апостолъ Павелъ, таковъ началъ сказыватель поученія, въ сегодня читанномъ отдѣлѣ изъ посланія его, убѣждаетъ

Иисуса. Но не каждый со смысломъ читаетъ эту тайну сыновства, рожденія Христа Иисуса. Правда, мы умѣемъ и можемъ сказать предъ людьми — предъ лицомъ всей Церкви о своей православной вѣрѣ и ѣмымъ, такъ сказать, исповѣданіемъ, — просто полагая на себѣ обычный, правильный крестъ православный. Мы не всегда и не о всякомъ знаемъ, какъ онъ разсуждаетъ о вѣрѣ. Видимъ, кто дѣлаетъ на себѣ крестное знаменіе по обычаю святой Церкви, и знаемъ потому, что онъ православяющій сынъ Церкви. Если бы кто спросилъ самыхъ простыхъ изъ насъ о вѣрѣ — разсуждать о вѣрѣ они не могутъ, повимать не все могутъ, спорить не способны, но доказать свою вѣру правую — могутъ: положи на себѣ крестъ по обычаю христіанскому — и вотъ покажешь, что ты право славишь Бога и исповѣдуешь, какъ учить тебя Церковь. И такой смыслъ креста, что онъ не только выражаетъ вообще нашу вѣру, но, такъ сказать, осязательно — въ образахъ представляетъ самыя важныя и основныя тайны спасенія. Когда мы крестимся, то крестимся во имя Отца и Сына и Святаго Духа — въ Троицу Святую; этимъ же крестомъ выражается божество и разомъ челоѣчество Иисуса Христа, Его страданія и плоды креста. Такъ, полагая на себѣ крестное знаменіе благоговѣнно и со смысломъ,

Ефесцѣмъ, а въ лицѣ сихъ и всѣхъ насъ, сохранить единство духа въ союзѣ мира, — и для сего обращаетъ особенное вниманіе членовъ церкви Христовой на единство вѣры и познанія Сына Божія — и на то, что каждому изъ насъ дана благодать, — для воспитанія и возвращенія каждаго изъ насъ въ мужа совершенна, — для созданія всѣхъ въ одно тѣло и одинъ духъ (Апост. зачат. 224 — Ефес. 4, 1—13). Поэтому сочли мы благовременнымъ связать поученія о *вѣрѣ во единого Господа Иисуса Христа — Сына Божія, о благодати и таинствахъ церкви, въ которыхъ сообщается благодать Божія вѣрующимъ во Христа*, и проч.

мы, по правдѣ, богословствуемъ и исповѣдуемъ почти всю свою вѣру. Да; и это простое, вѣрное исповѣданіе имѣетъ свою цѣну; но лучше умная вѣра, которая знаетъ, во что и какъ она вѣруетъ. *Лучше пять словъ съ умомъ сказать въ молитвѣ, въ исповѣданіи, чѣмъ много словъ языкомъ* — безъ пониманія (1 Кор. XIV. 19). А то и *молитва наша* безъ пониманія *въ грѣхъ* будетъ (Пс. CVIII, 7), — наше исповѣданіе вѣры будетъ по-подамъ съ грѣхомъ.

Итакъ, положивши на себѣ крестъ, съ молитвою и добрымъ вниманіемъ начнемъ наше объясненіе о Богѣ Сынѣ: съ Сына Божія, говорятъ святые учителя нашей Церкви, начинается *Святое Святыхъ* въ вѣрѣ христіанской: и такъ осторожно войдемъ въ это *Святѣйшее*.

«*Върую во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія Единороднаго*», говоритъ каждый православный христіанинъ на молитвѣ.

— *Во единого*, говоримъ, да едиnorodное будетъ сыновство, *во единого*, чтобы кто не подумалъ, что этотъ едиnorodный Сынъ Божій имѣетъ другаго брата, *во единого*, чтобы кто различно изображаемыхъ дѣйствій и различныхъ именъ Сына неправославно не распространилъ на многихъ сыновъ (Кириллa Іерус. поуч. X). А были и такіе еретики, они говорили, что Иисусъ и Христосъ — различныя лица: Иисусъ былъ простой человѣкъ, а Христосъ — божественный умъ, слово божественное и вошло въ Иисуса при крещеніи. Называли они себя знающими, а не знали, видно, и начатковъ ученія Христова (Евр. VI, 1): *только лживый отмечаетъ, что Иисусъ не Христосъ. Одинъ Господь у насъ Иисусъ Христосъ*, «*черезъ Котораго все и мы Имъ*» (1 Кор. VIII, 6). Одинъ Иисусъ, — это не русское слово, переводится оно — Спаситель, — *одинъ* у насъ Спаситель, «и нѣтъ ни въ комъ другомъ спасенія: такъ

какъ нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго лю-
 дямъ, въ силу котораго можно было бы спастись намъ»
 (Дѣян. IV, 11. 12; Еф. 1, 21. 22). *Господь Иисусъ*
единственная дверь, такъ Онъ. Самъ называетъ Себя,
чрезъ которую если кто войдетъ, спасется (Іоан. X, 9).
 Да; это одинъ и единственный входъ намъ на небо—
 къ Богу. Христосъ Иисусъ одинъ только могъ поми-
 рить насъ—грѣшниковъ съ Богомъ, выкупить насъ—
 неоплатныхъ должниковъ и «взять насъ съ Собою на
 небо въ жилище Отца Своего» (Іоан. XIV, 2. 3). Ни
 ангель, ни человекъ не могли высвободить насъ изъ—
 подъ клятвы Божіей. «Человекъ и за собственные
 грѣхи не можетъ дать Богу удовлетворительной жерт-
 вы. Какъ же онъ можетъ сдѣлать это за другаго? И
 чтобы онъ могъ найти въ этомъ вѣкъ, столько цѣнное,
 чтобы оно служило достаточнымъ замѣномъ за душу
 такъ драгоценную?.. Братъ не можетъ искупить брата
 своего, и каждый человекъ — самъ себя, потому что
 искупающій собою другаго долженъ быть гораздо пре-
 восходнѣе содержимаго во власти и уже рабствующаго.
 Прежде всего каждый человекъ самъ повиненъ душою
 предъ Богомъ за грѣхи свои, (Вас. Вел. бес. на псал.
 XLVIII)... «Нѣтъ никого, какъ Ты, Господи Иисусе,
 снимающій съ насъ беззаконія и прощающій грѣхи
 наши» (Мих. VII, 18).

Господь Иисусъ — *Христосъ*. Христами или пома-
 занниками назывались въ дохристіанской, іудейской
 церкви цари, первосвященники и пророки: потому что
 ихъ помазывали, и этимъ отличали ихъ, какъ избран-
 ныхъ, отъ другихъ, освящали и вводили ихъ, такъ
 сказать, въ должность. И у насъ царей нашихъ по-
 мазываютъ при вступленіи ихъ на царство. Христосъ—
помазанникъ по преимуществу, больше, чѣмъ всѣ по-
 мазанники (Псал. LXI, 1; Лук. IV, 18). Христосъ —

пророкъ и учитель единственный, который одинъ силенъ предъ Богомъ и людьми (Матѣ. XXIII, 8. 10). «Еслибы Учитель нашъ, ипостасное Слово не сдѣлался человѣкомъ, говорить одинъ святой учитель Церкви, мы и не могли бы знать, что свойственно Богу: никто другой не могъ возвѣстить намъ объ Отцѣ, какъ только Его собственное Слово» (Ириней, противъ ерес. кн. V, гл. 1.). Христось — *Ходатай* нашъ, или посредникъ: потому что примирилъ и воссоединилъ насъ съ Богомъ, сдѣлалъ насъ дѣтьми Божиими, братьями, друзьями Его, сожителями святыхъ, наслѣдниками Бога и сонаслѣдниками Христа. *Архіерей*, или *Первосвященникъ*: потому что принесъ Себя за насъ въ жертву на крестѣ и заслужилъ для насъ эту жертвою избавленіе отъ всѣхъ бѣдъ — отъ діавола, отъ проклятiя, отъ грѣха, отъ смерти, не той смерти, которой и теперь подверженъ каждый изъ насъ, а той страшной смерти, которая на вѣки — вѣчныя отчуждала насъ отъ жизни и отъ свѣта Божьяго. Христось — *Царь* по божеству и по человѣчеству, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ (Дѣян. X, 36; Апѣк. XVII, 14): и имени Его поклонится всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. Какъ Царь Исусъ Христось побѣдилъ діавола, совоскресилъ и спосадилъ насъ съ Собою объ руку на престолѣ небесномъ.

Исусъ Христось есть *Сынъ Божій Единородный*. И мы называемся дѣтьми Божиими, но не въ собственномъ смыслѣ, а какъ рабы, перешедшіе изъ состоянiя рабства въ состоянiе усыновленiя даромъ, по благодати, данной намъ все — Тѣмъ же Единороднымъ Сыномъ Божиимъ. Христось — Сынъ изъ существа Отца, Сынъ, *рожденный изъ чрева Божiя*, такъ выражается пророкъ, чтобы показать истинное сыновство Сына и образъ, такъ сказать, бытiя Его.

И мы вѣруемъ «въ Сына, отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна». Сынъ Божій рождается изъ существа, или естества Отца, а не откуда-нибудь извнѣ, или изъ ничего.

Самое понятіе обыкновеннаго, человѣческаго рожденія показываетъ это. Рожденіе въ томъ и состоитъ, что изъ существа раждающаго происходитъ раждаемое, подобное по сущности родителю. — Сынъ Божій рождается изъ существа Отца, впрочемъ такъ, что и Отецъ ничего не лишается въ рожденіи, и Сынъ не имѣетъ никакого недостатка. «Нераздѣльный Богъ нераздѣльно родилъ Сына, родилъ премудрость, но и Самъ не остался безъ премудрости, родилъ Силу, но не изнемогъ, родилъ Бога, но Самъ не остался безъ божества и ничего не потерялъ, не умалился, не измѣнился; равно и Рожденный не имѣетъ никакого недостатка. Совершенъ Родитель, совершенъ Рожденный. Родившій — Богъ, Богъ и Рожденный (Кирил. Іерус. поуч. XI). Рожденіе Сына Божія есть рожденіе вѣчное, — никогда оно не начиналось, никогда и не оканчивалось. Такъ какъ не было времени, когда Богъ не былъ бы Богомъ, равно какъ не было времени, когда Отецъ не былъ бы Отцемъ Сына. «Когда слышишь о рожденіи Сына, не допытывайся и не любопытствуй знать — какъ и когда оно случилось», говоритъ Григорій Богословъ. «Объ этомъ знаютъ Родившій и Родившійся».

Сынъ Божій родился, но не отдѣлился отъ Отца, родился безраздѣльно, Онъ вѣчно пребываетъ у Бога, въ лонѣ Отца (Іоан. 1. 1, 18). — Вообще мы отъ образа и понятія рожденія Сына Божія должны отстранить всѣ человѣческіе признаки рожденія, забыть, такъ сказать, всю исторію рожденія дитяти — срокъ и страданіе раждающей, время, возрасты раждающагося:

потому что мы не имѣемъ на землѣ такого образа рожденія. Этотъ единственный образъ единственнаго рожденія на небѣ — у Бога. И наши образы, приравливаемые къ небеснымъ, божественнымъ *лубинамъ Божиимъ*, путаются и очень-очень далеки отъ сущности дѣла, «Чего я, говоритъ одинъ святой Богословъ (Григорій), ни разсматривалъ самъ съ собою въ умѣ своемъ, гдѣ ни искалъ подобія: но не нашель къ чему бы простому, человѣческому примѣнить, съ чѣмъ бы поставить объ-руку эту тайну рожденія. Если и отыскивалось смутное какое, маленькое сходство: то все-таки оно многого не договаривало, гораздо болѣе уходило, не давалось сравненію. Наконецъ заключилъ я, что всего лучше отступиться отъ всѣхъ образовъ и тѣней, потому что они не освѣщаютъ предмета» (Слово 31, въ Твор. свят. отц. т. III, стр. 131), и просить Господа, чтобы Онъ Самъ дался намъ разумно видѣть Себя, и осторожно держаться православнаго исповѣданія. Если можно указать на сравненіе рожденія Сына отъ Отца: то это сравненіе символа: «свѣтъ отъ свѣта». «Какъ огонь и происходящій отъ него свѣтъ существуютъ вмѣстѣ; не прежде бываетъ огонь, а потомъ уже свѣтъ, но огонь и свѣтъ вмѣстѣ, — и какъ свѣтъ всегда рождается отъ огня и всегда въ немъ пребываетъ и отнюдь отъ него не отдѣляется: такъ рождается и Сынъ отъ Отца, никогда не отдѣляясь отъ Него, но всегда существуя въ Немъ. Съ тѣмъ только различіемъ, что свѣтъ не имѣетъ особой самостоятельности безъ огня: напротивъ, Единородный Сынъ Божій, неотдѣльно и неразлучно отъ Отца рожденный и всегда въ Немъ пребывающій, имѣетъ Свою Ипостась, отличную отъ Ипостаси Отчей». (Дамаск. кн. 1 гл. 8.).

Итакъ Сынъ Божій *рожденъ отъ Отца, какъ свѣтъ отъ свѣта, рожденъ, а не сотворенъ.* — Люди, которые богословствовали о Христѣ больше, чѣмъ следовало бы богословствовать (Рим. XII, 3), впали въ ереси. И вотъ еще въ самые первые дни христіанства нашлись люди, не имѣющіе Бога въ сердцѣ, которые отпереди божество Іисуса Христа и называли Его простымъ человѣкомъ, *рожденнымъ*, какъ и всѣ смертныя люди. Другіе неправославно мысляшіе, хотя и не считали Іисуса простымъ человѣкомъ, но говорили, что Сынъ Божій не рожденъ отъ Бога, *а сотворенъ Богомъ*, права, совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ тварей и духовъ, но все таки Онъ никакъ будто не имѣетъ естества божескаго. Онъ совсѣмъ иной, чѣмъ Отецъ. Противъ этихъ то лжеученій созванъ вселенскій первый соборъ, на которомъ 318 отцовъ православныхъ утвердили православное исповѣданіе о Іисусѣ Христѣ, *не сотворенномъ, а рожденномъ отъ Отца*. Противъ этихъ то лжеученій и мы говоримъ въ символѣ, что Сынъ Божій *рожденъ, а не сотворенъ*.

Святая церковь Сына Божія называетъ Богомъ истиннымъ, *Единосущнымъ Отцу*. Сынъ Божій имѣетъ всѣ свойства сущности и жизни Божіей, всю полноту божества — безпретѣльность, самобытность, вѣчность, свободу, любовь, величіе, славу, все-все, что только мы знаемъ у Отца, есть у Сына: *моя вся твоя суть и твоя моя* — вотъ что говорить ко Отцу Сынъ Божій. Не имѣетъ только отчества, какъ личнаго, особнаго свойства Отца. И Самъ Сынъ имѣетъ особность личную — сыновство. И Христосъ не почтитель похищеніемъ быть равнымъ Богу Отцу; это равенство единосущное принадлежитъ ему по праву, по природѣ (Фил. II, 5 - 8) *Я и Отецъ — едино*, говоритъ Владыка Христосъ, и тутъ показывается не нравственное сдѣ-

неніе со Отцемъ, каковое могутъ имѣть съ Богомъ и люди Божій, а единеніе по могуществу, по власти, по божеству. *Я во Отца и Отецъ во Мнѣ, все что имѣетъ Отецъ — и мое:* вотъ что говорить о Себѣ божественный Сынъ Божій. *Если бы вы, говорить Христось ученикамъ Своимъ, Меня знали, то знали бы и Отца Моего* (Іоан. 8, 10; 14, 7). «И тутъ показывается единосущіе Сына и Отца, говорить св. Кирилль Александрійскій; такъ какъ разносущное не узнается изъ разносущаго. Существа разнородныя и одно другому чуждыя не могутъ объяснить себя взаимно; но имѣющіе одну природу познаются одно изъ другаго,—такъ Отецъ сполна познается чрезъ Сына». (Кир. Алекс.—Христ. Чтен. 1847 г., ч. III. стр. 31). Да вообще вся евангельская исторія, которую вы, христіане, часто слышите въ церкви при божественныхъ службахъ, представляетъ Сына Божія не тварію сотворенною, не простымъ человѣкомъ, не *подобосущнымъ* только Отцу въ томъ смыслѣ, что Сынъ, какъ образъ, выражаетъ Первообразъ, потому что и мы—люди просимъ на себѣ образъ Божій, — а, по истинѣ и го всемъ *Единосущнымъ Отцу — Богу*. Представляется Богомъ такимъ же, какъ и Богъ Отецъ, — Богомъ на небѣ, Богомъ на землѣ—въ воплощеніи, Богомъ въ образѣ раба, и въ смерти, и въ воскресеніи. И въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ цѣлаго года, и въ молитвахъ, которыя мы говоримъ утромъ и вечеромъ, Сынъ Божій вездѣ представляется какъ равный, единосущный Богу Отцу, Богъ истинный, *Имже вся быша*, чрезъ Него Богъ и вѣки сотворилъ. «Сыномъ Божиимъ создана быша всяческая, что только есть на небеси и на земли, видимое и невидимое, всѣ чины ангельскіе—престолы, господствія, начала, власти: всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася». (Кол. 1, 16, 17; Евр. 1, 2 и 10). Все

сотворилъ Отецъ чрезъ Сына, впрочемъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы Сынъ исполнялъ какое-то орудное, рабское служеніе при твореніи, но въ томъ, что Онъ виждительно и свободно совершилъ Отеческую волю. Сынъ Божій совершилъ наше спасеніе, или иначе сказать — во второй разъ создалъ насъ для жизни Божіей *и вся привлечетъ къ Себѣ*, по слову Своему, — и вѣрно слово Его Божеское.

Повторимъ наше исповѣданіе о Христѣ Иисусѣ богоданными словами символа одного святаго учителя церкви (Григорія Чудотворца): «Одинъ Сынъ Единородный, Одинъ Господь, Единный отъ Единаго, Богъ отъ Бога, образъ и выраженіе божества, Слово дѣйственное, Мудрость, содержащая составъ всего, и Сила, зиждущая все твореніе. Истинный Сынъ истиннаго Отца, Невидимый Невидимаго, Нелѣнный Нелѣннаго, Безсмертный Безсмертнаго, Вѣчный Вѣчнаго. Нѣтъ въ Богѣ ни сотвореннаго, ни служебнаго, ни приходящаго, что бы прежде не было и что бы вошло послѣ».

Смотрите же за собою, христіане, закончимъ любовно — осторожными словами апостола Іоанна, смотрите чутко... Кто приходитъ къ вамъ и не приноситъ съ собою православнаго ученія Церкви Христѣ Иисусѣ, или — избавь Боже его отъ этакого грѣха — съ неуваженіемъ относится къ вѣчнымъ, спасительнымъ тайнамъ христіанства: то и въ домъ свой такого не принимайте и не привѣтствуйте его. Такъ какъ привѣтствующій его будетъ участникомъ въ его недобромъ дѣлѣ (2 Іоан. 7, 8, 9, 10). — Аминь.

Священникъ *Михаилъ Ганицкій*.

Посадъ Вилковъ.

Отдѣлъ II (бытовой очеркъ).

XIX.

(Окончаніе).

Послѣ краткаго обзора промысловой дѣятельности вилковскихъ рыбаковъ, займусь краткой характеристикой вилковского населенія по возрастамъ и поламъ: это будетъ содержаніемъ настоящей главы. Міръ вѣрованій, понятій, предразсудковъ и повѣрій, а также замѣтка объ особенностяхъ языка вилковского населенія составятъ предметъ слѣдующей—заключительной главы моего очерка. — Кажется, — что судьба отъ рожденія предназначаетъ вилковского ребенка къ плаванію по водамъ. Качая малютку сына въ самодѣльной холщевой колыбели, прикрѣпленной четырьмя веревками къ потолку, вилковская мать напѣваетъ:

Баю, баюшки баю,
Баю милово мово.
Вотъ во горенкѣ въ новой,
Близъ кровати тесовой
Въ колыбели золотой
Онъ лежитъ, качается,
Собой величается,
Царевичемъ называется.
Вотъ сонъ ходитъ
Да по сѣнюшкамъ,
А дремота—по новымъ,
Ищетъ сонъ, дрема спрашиваетъ:
Ужъ какъ гдѣ бы намъ сыскать

Тутъ царевича,
Царевича—королевича?
Мы бы его стали качать,
По имени величать...
Сиди, усни же, не плачь!
Угомонъ тебе возьми!
Вотъ тятка сѣточку плететь,
Оцъ намъ рыбочку спойметъ,
Рыбку серебрянную,
Позолоченную,
На базарь ее снесетъ,
Намъ коника приведетъ,
Коня славяенькаго,
Злагогривенькаго...
Ты, дитя мое, не плачь,
Сядь на коника, поскачь.

Затвердивъ еще въ колыбели слова: сѣточка и рыбочка, дитя, разставшись съ колыбелью и поднявшись ростомъ на аршинъ отъ земли, вмѣстѣ съ старшими ребятами учится плавать и ловить рыбу, сперва въ ерикахъ, а потомъ—въ Дунаѣ.

Между дѣтскими играми замѣчательна игра *въ чорта*: собираются возлѣ дома мальчики и дѣвочки, изъ дѣвочекъ выбираютъ бога, а изъ мальчиковъ чорта; чортъ держитъ въ зубахъ камышинку: это *цыгарка*; дѣвочка обходитъ ряды сидящихъ и незамѣтно вкладываетъ кому либо въ руки маленькую камышинку, чортъ не долженъ видѣть, кому дана камышинка; дѣвочка кричитъ: чортъ, чортъ! иди; хата горитъ, некому гасить. Чортъ подходит и бьетъ камышинкой по головѣ, начиная съ крайняго и приговаривая: рай, рай... дай! Если тотъ, къ кому обращено слово *дай*, окажется обладателемъ камы-

пинки, то таковой переходитъ на сторону чорта, а ошибется чортъ—обладатель камышинки переходитъ на сторону бога; снова избранная дѣвочка незамѣтно даетъ кому-нибудь камышинку, снова чортъ обходитъ рядъ и т. д., пока дѣти не раздѣлятся на божьихъ и чортовыхъ; между обоими лагерями проводится межа, берется длинная палка, и оба лагеря испытываютъ свои силы, чья сторона перетянетъ противную черезъ межу; проба силы повторяется трижды; оставшіеся побѣдителями бьютъ камышомъ по головѣ побѣжденныхъ, которые обязапы 10 разъ перебѣжать сюда и туда *чрезъ оюнь*, т. е. чрезъ межу. Эта игра, говорю, замѣчательна. какъ выраженіе мѣстнаго взгляда на *цмарку*, которая приличествуетъ чорту и отъ которой происходятъ пожары. Въ зимнее время дѣти катаются на костяныхъ лыжахъ по льду. Въ святки дѣти малороссовъ поютъ подъ окнами колядки, дѣти великороссовъ ходятъ по домамъ славить Христа чистоты-церковными пѣснями. Въ холодное и дождливое время, когда на дворѣ пельзя гулять, дѣти слушаютъ сказки или разгадываютъ загадки: иде визъ безъ колысь, безъ ярма, дороги нема (лодка по водѣ); кривый Иванъ по хати ступавъ (вѣникъ); стоитъ стріла посередъ двора, а въ тии стріли сямьсотъ и дві (церковь съ молящимися). Отцы, возвращаясь домой изъ острововъ усталые, часто съ разбитыми надеждами, и матери, на плечахъ коихъ лежитъ все домашнее хозяйство, сурово обращаются съ дѣтьми: пинки, тумакі, подзатыльники и колотушки обильно сыплотся на ребенка. Съ 10 лѣтъ мальчикъ беретъ отецъ-рыбакъ съ собою на острова, мальчикъ привыкаетъ къ морю, знакомится съ бурунами, научается различать вѣтра, править весломъ, острить крючки; дѣвочка остается при домѣ, помогаетъ матери, но и она

должна научиться плавать и править весломъ, плестъ сѣти и пр. Такъ проходитъ отроческій возрастъ вилковскаго ребенка.

Парни, занимаясь вмѣстѣ съ отцами рыболовствомъ, только по праздникамъ бываютъ въ посадѣ; послѣ пасхи и до Духова дня, по праздникамъ парни и дѣвушки выходятъ за посадъ и среди кучегуръ водятъ хороводы. Позднею осенью и зимою парни и дѣвушки собираются на посидѣлки по вечерамъ; дѣвушки занимаются питьемъ, парни имъ мѣшаютъ, щиплютъ ихъ, потомъ кипятятъ воду въ котелѣ, завариваютъ чай, пьютъ и начинаютъ игру *въ короли*; повелѣнія избраннаго короля должны исполняться безирекословно: прикажетъ слугѣ король *свершить скирду* — слуга долженъ поцѣловать короля сперва въ макушку, потомъ въ щеки и губы; прикажетъ король *принести изъ королевскаго сада по три кисти винограда* — слуга долженъ поцѣловать каждую дѣвушку по три раза. Ужиномъ, который устроится на счетъ парней и готовится дѣвушками, заканчиваются посидѣлки. Что у великороссовъ посидѣлки, то у малороссовъ вечерницы. Наканунѣ дня Андрея Первозваннаго малороссійскіе парни и дѣвушки собираются вечеромъ праздновать Андрея. Дѣвушки желаютъ въ этотъ вечеръ узнать, придется ли выйти замужъ въ слѣдующемъ году и за кого — именно, идутъ считать колья въ плетнѣ, приговаривая: *единца, вдовца, молодеца*; какой изъ нихъ по счету придется на десятѣмъ колѣ, таковъ и будетъ женихъ; во рту припосытть изъ ериковъ воду, замѣниваютъ муку и пекутъ лепешки (балабушки), которыя потомъ предлагаются собакамъ — предвѣщателямъ брака; готовятъ большой коржъ (опрѣснокъ), именуемый *«калитой»*, привѣниваютъ эту калиту

на поясѣ къ потолку, одинъ парень на кочергѣ приближается и говоритъ: *иду, иду калыту кусаты*, а другой выступаетъ противъ него съ *квачомъ* и говоритъ: *а я буду по морді*. На Рождество малороссійскіе парни ходятъ по посаду съ Иродомъ и со звѣздою, а на новый годъ маскируются и водятъ козу. Великороссійскіе парни считаютъ грѣхомъ надѣвать на себя богопротивныя личины, но за то масляницу все населеніе возбуждено — весело проводятъ: катаются на телегахъ или на саняхъ, наряжаютъ лошадей, обвѣшиваютъ ихъ лентами и бубенцами; всѣ кричатъ, всѣ шумятъ, веселятся...

На посидѣлкахъ и вечерницахъ парни и дѣвушки поближе знакомятся между собою, и вотъ на семейномъ совѣтѣ поднимается рѣчь о свадьбѣ. Мнѣніе родителей при выборѣ жениха или невѣсты хотя и имѣетъ весьма важное значеніе, но лишено принудительнаго характера и свадьба устроится по взаимному согласію жениха и невѣсты. Великорусская свадьба состоитъ: 1., изъ сватовства, 2., дѣвичника, 3., вѣчанія, 4., брачной пирушки и 5., надѣленія повобрачныхъ подарками. Если сватовство, которое бываетъ вечеромъ, окончится неудачею, тогда по всему посаду слышатся крики парней: *кабакъ! кабакъ!* и эти крики не прекращаются до тѣхъ поръ, пока потерпѣвшій неудачу женихъ не угоститъ крикуновъ виномъ. Въ случаѣ удачнаго сватовства, въ домъ невѣсты является женихъ, закутавшись въ рыболовныя сѣти: не счесть колдуну узловъ сѣти, и поэтому и нѣтъ возможности повредить жениху. Если женихъ и невѣста дѣти богатыхъ родителей, то подъ вѣнецъ въ церковь и послѣ вѣчанія домой сопровождаетъ повобрачныхъ священникъ съ крестомъ, кадиломъ и свѣчой. Музыкантовъ въ Видковѣ цѣтъ,

да притомъ стар. обрядческое духовенство отвергаетъ музыку, какъ дѣло грѣхотворное, а поэтому стар. обрядцы на свадьбахъ употребляютъ дребезжащее, старое желѣзное ведро и шипящую гармонику. Новобрачныхъ изъ дома жениха въ домъ невесты сопровождаетъ громадная толпа женщинъ, переодѣтыхъ въ мужское платье, и дѣтей, кричащихъ: ура! Впереди несется флагъ на высокомъ шестѣ. Свадьба тянется нѣсколько дней, много выпивается *винограднаго* вина, а поэтому, кромѣ иныхъ свадебныхъ пѣсень, чаще поется:

Наши чары золотыя,
Пивовары дорогіе;
Чарочка моя
Серебрянная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная!
Кому чару пить,
Тому здраву быть.

Свадьба у малороссовъ состоитъ: 1., изъ сватовства, 2., дѣвичника, 3) головыщи, 4) вѣчанія и 5) брачнаго пира. Головыща бываетъ въ домѣ невесты, вечеромъ наканунѣ дня брака; въ приготовленный большой бѣлый хлѣбъ «каравай» втыкаютъ *шлице*, т. е. вѣтку калины, потомъ, при пѣсняхъ парней и дѣвушекъ, украшаютъ эту вѣточку васильками, барвенкомъ и цвѣтной бумагой; слѣдуетъ легенькій ужинъ и танцы на дворѣ. Послѣ вѣчанія, въ началѣ брачнаго пирушки, зять даритъ тещѣ сапоги, или башмаки, а теща поетъ:

Оце ти чоботы,
Що зять давъ,

Та за тии чоботы
Дочку взявъ:
И за цюю прывражую шкапыну
Узявъ мою родную дытыну.

Въ концѣ брачной пирушки свадебный коровай разрѣзывается на куски и вмѣстѣ съ вѣточками *шльця* раздается почетнымъ гостямъ, съ приличными этому дѣйствию пѣснями, въ одной изъ коихъ есть такое обращеніе къ запорожцамъ:

Ой вы, славни запорожци,
Не лякайтесь!
За пороги за высокіи
Не ховайтесь!
Проемы васъ до хаты—
Короваемъ дароваты.

Является новая чета тружениковъ, обзаводится домкомъ, отдѣльнымъ хозяйствомъ и ведетъ трудовую жизнь, по исконному обычаю предковъ: мужъ на водѣ, а жена въ посадѣ. Взглядъ вилокцевъ на женщину выражается въ поговоркѣ: *женщина безъ мужины — то машина безъ пружины*. Смотря на женщину, какъ на машину, вилокцы тѣмъ не менѣе не обращаются круто и жестоко съ своими женами. Вилковская женщина—вѣчная труженица: она стряпаетъ на кухнѣ, стираетъ бѣлье, носитъ на плечахъ воду, шьетъ одежду. Въ февралѣ мѣсяцѣ женщина сѣшитъ сплести или починить сѣти для ловли селедокъ, работа должна быть скоро исполнена, ибо сельди идутъ съ моря въ Дунай для метанія икры только въ мартъ и апрѣль, а назадъ возвращаются такъ быстро, что кто не поймалъ въ свое время, тотъ остается безъ сельдей на весь годъ. Потелѣеть на дворѣ, женщина должна патаскать съ

береговъ илу и обмазать, починить домъ, поврежденный наводненіемъ. Подрастетъ зеленый камышъ, женщины отправляются на лодкахъ, косятъ зеленый камышъ, а когда онъ просохнетъ, привозятъ его лодками на бичевъ въ посадъ и на своихъ плечахъ или на двухколесныхъ телегахъ, сами на бичевъ перетаскиваютъ камышъ съ лодокъ домой: это кормъ для скота на зиму. Съ Петрова дня вилковскія женщины отправляются изъ посада на жатву въ сосѣднія села: Жебриане, Галилешты, Нерушап, Чиньму и Драгули, жнутъ за 4 или 6-й сношъ; послѣ Преображенія Господня заработанный хлѣбъ по Дунаю на лодкахъ привозится въ Вилковъ. Позднею осенью и зимою, когда плавня замерзнетъ, отправляются косить камышъ, связываютъ въ пучки и заготавливаютъ топливо на цѣлый годъ. Этотъ камышъ на саняхъ руками доставляютъ въ посадъ. Поскольку въ зимнее время рыболовство (на морѣ) прекращается, то въ заготовленіи камышеваго топлива участвуютъ и мужчины. Такъ годъ за годомъ проходитъ трудовая жизнь вилковскаго населенія. Тѣло дряхлѣетъ, силы слабѣютъ, наступаетъ старческая немощь, лишаящая возможности трудиться въ привычно-любимой водной стихіи—и вотъ какая элегическая пѣсня выливается изъ устъ отемнѣвшаго старца:

Хвальщывая юность —
Зрадлива фортуна!
Служышь человѣку
Во младому вѣку.
А теперь ты разрушила.
Когда сила отступилась,
Когда старость человѣка
Къ землі приклонила.

Охъ вы, вітры буйнесенъки,
Съ дальныхъ сторонъ повивайте.
Сердце жъ мое печальное
Во мнѣ прохлаждайте!
Уже времячко прыходытъ
Ко гробу ступаты,
Вже не буду я по морю,
Якъ орелъ, литаты.
Ой приведутъ передъ Бога
И станутъ пытаты:
Тотчасъ Богу въ тое время
Треба отвѣтъ даты.

XX.

Вилковецъ религіозенъ: носясь на лодкѣ по волнамъ моря, въ борбѣ съ разъярившеюся водною стихією, онъ часто устремляетъ свой взоръ къ небу— и въ помощи Владыки моря и суши онъ полагаетъ единственную свою надежду. Подобные случаи, безъ сомнѣнія, питаютъ и укрѣпляютъ въ душѣ вилковца вѣру въ Бога.

О душѣ человѣческой думаютъ, что пока она въ тѣлѣ, она безвидна, находится у сердца и отъ нея происходитъ біеніе сердца. Когда человѣкъ умираетъ, душа вылетаетъ изъ груди, какъ муха, какъ свѣтлякъ, какъ птичка, три дня пребываетъ въ томъ домѣ, гдѣ лежитъ тѣло покойника, шесть дней затѣмъ ходитъ по мытарствамъ, куда ее выносятъ ангелы; мытарства на небесахъ, всѣхъ мытарствъ 22; по мытарствамъ сидятъ злые духи и показываютъ душѣ ея злыя дѣла; оттуда душа переходитъ въ Давидовъ домъ, гдѣ дожидается втораго пришествія и страшнаго суда. Сообщение душъ, отошедшихъ въ загробную жизнь, съ живущими на землѣ бываетъ только

во снѣ. Посмертное существованіе души самоубійцы отрицается, или же должно быть признано мизернымъ, темнымъ, неопредѣленнымъ въ ожиданіи погруженія въ вѣчную темноту. Душа убитаго разбойниками, растерзаннаго звѣрями, душа воина, положившаго животъ на брани — такія души, какъ мученическія, прямо идутъ на лоно Авраамово. Въ раю души будутъ лицезрѣть Бога, веселиться и пѣть, не нуждаясь въ пищѣ: всяка душа Св. Духомъ живится; души же нечестивыхъ въ аду будутъ плакать и скрежетать зубами — отъ боли, которую будетъ причинять огонь вѣчный. У животныхъ нѣтъ души, а есть только духъ, т. е. воздухъ, которымъ они движутся, какъ кузнечный мѣхъ. Языкъ у животныхъ есть, но совѣтъ непохожій на языкъ человѣческій, а поэтому и непонятный для человѣка. — Какъ ангеловъ много, какъ и чертей гибель. Чортъ всегда куритъ трубку, не разлучаясь съ нею ни днемъ, ни ночью; онъ является человѣку въ видѣ кошки или собаки. Пьяный человѣкъ слабѣе трезваго, а по этому и доступнѣе вліянію чорта; женщина, особенно старая, слабѣе мужчины, а по этому изъ женщинъ бываютъ вѣдьмы, пользующіяся услугами чорта. Вѣдьмы бываютъ: природныя съ хвостомъ и ученныя—безъ хвоста: вѣдьмы отбираютъ молоко у женщинъ и у коровъ, пугаютъ и толкаютъ въ воду пьяныхъ, чаруютъ зельемъ, берутъ пылъ съ того мѣста, гдѣ грызли собаки, и незамѣтно этою пылью обыскаютъ ту чету людей, семейное согласіе которыхъ имъ желательно нарушить, и мужъ съ женой не живутъ уже мирно, а грызутся, какъ собаки. Вѣдьмы портятъ молодыхъ женщинъ, и вліяніемъ вѣдьмъ вилковскіе старообрядцы объясняютъ обиліе въ средѣ ихъ *порченыхъ*

или *крикушъ* («на малороссахъ» нѣтъ крикушъ). Вѣдма, во время ночныхъ своихъ походовъ, превращается свиньей. Бываютъ и вѣдуны или колдуны. Всякая знахарка есть вѣдма, но въ болѣзняхъ, по мнѣнію вилковцевъ, лучше обратиться къ знахаркѣ, чѣмъ къ доктору, ибо докторъ — *панъ* и требуетъ много денегъ, еще больше сдерутъ въ аптекѣ, а знахарка довольствуется десяткомъ яицъ, узелкомъ пшена, нѣсколькими селедками.

Языкъ вилковского населенія—разумѣю молодое и подроставшее населеніе—смѣшанный, что объясняется обоюднымъ вліяніемъ языка одной «породы» на языкъ другой. Въ этомъ смѣшанномъ языкѣ замѣчены мною слѣдующія рѣзкія особенности:

1) перестановка въ словахъ ударенія: голову, руку, ногу, рѣшето, одинадцать, потомъ (послѣ), глыбоко (глубоко), Дунай;

2) замѣна плавныхъ однѣхъ другими: Сулимъ, крикуша, концуръ;

3) переименованіе въ собственныхъ именахъ городовъ: Смайлъ, Кермень, Шакша, Адеста, вмѣсто: Измаиль, Аккерманъ, Исакча, Одесса; Водополь (Овидіополь).

4) мѣстныя реченія: дымарь и буджакъ—труба, курканъ — индѣйскій пѣтухъ, чиркунъ — сверчекъ, ваганы—корыто, нарты—костяные коньки, коловоротъ—водоворотъ, офіонъ—опіумъ, ворогуша—лихорадка, дитенокъ — ребенокъ, жерсть — жестъ, жарковье—жаркое.

5) особенности въ мѣстоименныхъ формахъ и нарѣчіяхъ: какей, такей, другей, оны, мене, откуль, докуль — вмѣсто: какой, такой, другой (род. пад.), оны, меня, откуда, пока;

6) въ глаголахъ и причастныхъ формахъ: бѣ-
жать, видю, сожмалъ, выжмалъ, пойметъ (поймаетъ),
непитущій, пойматый, и

7) мѣстныя названія вѣтровъ: *полночь*—сѣверный
вѣтеръ, *аббаза* — сѣверовосточный вѣтеръ, *востока*—
восточный вѣтеръ, *пурьяса* — юговосточный вѣтеръ,
полуденка или *морена* — южный вѣтеръ, *лодуса*—юго-
западный вѣтеръ, *западъ* — западный вѣтеръ и *ка-
раель*—сѣверозападный вѣтеръ.

А. Бахталовскій.

ИЗВѢСТІЕ.

Въ субботу, 13 сего ноября, прибылъ въ Киши-
невъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Авгу-
стинъ, Епископъ Аккерманскій, викарій кишиневской
епархіи. — 14 ноября, въ воскресенье, высокаторже-
ственный день рожденія Ея Императорскаго Величе-
ства, Государыни Императрицы, Преосвященнѣйшій
Августинъ, въ сослуженіи избраннаго духовенства, при
многочисленнѣйшемъ стеченіи народа, совершилъ въ
первый разъ въ кишиневскомъ кафедральномъ соборѣ
божественную литургію и послѣ литургіи благодар-
ственный Господу Богу молебенъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ

изданіи въ г. Харьковѣ общедоступ-
наго, духовно-нравственнаго жур-
нала подъ названіемъ „БЛАГОВѢСТЬ“.